

24–26 июня 2026 г.

Russian negation: rules of linearization and accentuation¹

Anton Zimmerling

Pushkin State Russian Language Institute;
Institute of Linguistics, Russian Academy of Science
Moscow, Russia
fagraey64@hotmail.com

Abstract

I revise the linearization and accentuation rules for the Russian negative particle *ne*₂ versus the negative morphemes that can be analyzed as it homographs and follow the distribution of the negative sentence patterns with sentential and constituent negation in Paducheva's taxonomy of four negation modes. Both syntactic types of negation can be interpreted as general or partial negation depending on their contribution to semantic structure. The canonic types are General Predicate Negation, which brings about verification/falsification semantics and licenses the verum focus accent on the negative particle, and Constituent Partial Negations which brings about contrastive focusing of a constituent. The AUX NEG X order can also be interpreted as an instance of General Constituent Negation in non-contrastive and non-verificational contexts. The distribution of four negation modes in Paducheva's taxonomy is triggered by the realization of communicative meanings, notably, verification and contrast.

Keywords: Russian language, general negation, partial negation, scope, prosody, grammar, verification, contrast
DOI: 10.29003/2075-7182-2026-24-696-707

Русское отрицание: правила линеаризации и акцентуации²

Циммерлинг А. В.

Государственный институт русского
языка им. А. С. Пушкина /
Институт языкознания РАН,
Москва, Россия
fagraey64@hotmail.com

Аннотация

Целью работы является уточнение правил употребления и интонирования отрицательной частицы *не*₂ и связанных с ней отрицательных морфем, которые на синхронном уровне могут рассматриваться как ее омографы, а также оценка непротиворечивости модели отрицательного предложения по Е. В. Падучевой. Оба синтаксических типа отрицания — сентенциальное и конституентное — могут интерпретироваться и как общее, и как частное, в зависимости от их вклада в семантическое представление. Каноническими типами являются Общее Предикатное Отрицание, которое сопряжено с выражением значения верификации/фальсификации и лицензирует верификативный акцент на отрицательной частице, и Частное Конституентное Отрицание, которое сопряжено с контрастивным выделением составляющей предложения. Линейный порядок AUX NEG X в неконтрастивных и неверификативных контекстах соответствует статусу Конституентного Общего Отрицания. Таксономия четырех типов отрицательных предложений Е. В. Падучевой объясняется через реализацию коммуникативных значений верификации и контраста.

Ключевые слова: русский язык, общее отрицание, частное отрицание, сфера действия, просодия, грамматика, верификация, контраст

¹ This paper has been written with support from the Russian Science Foundation, project № 22-18-00528п “Clausal connectives in sentence and discourse: Semantics and grammaticalization paths” realized at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Science. I am grateful to the anonymous reviewers for the valuable critical comments and discussion. All disclaimers follow.

² Статья написана при поддержке Российского Научного Фонда, проект № 22-18-00528п «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации», реализуемом в Институте языкознания РАН. Я благодарю анонимных рецензентов за ценные критические замечания и дискуссию. Вся ответственность на ошибки лежит на авторе.

1. Вступительные замечания. Постановка задачи

Целью работы является уточнение правил употребления и интонирования отрицательной частицы НЕ (далее — НЕ₂) и диахронически связанных с ней отрицательных морфем НЕ₁ (именная приставка) и НЕ₃ (ударное экзистенциальное отрицание), которые на синхронном уровне могут рассматриваться как ее омографы, а также оценка формальных моделей отрицательного предложения с точки зрения их непротиворечивости и эмпирической адекватности. Соответствующие правила до сих пор эксплицитно не выделены — либо потому, что они кажутся тривиальными, либо в силу распространенного среди русистов убеждения, что можно рассматривать вклад отрицания в структуру значения, не уточняя в деталях синтаксис предложения и способ его анализа (грамматика зависимостей, составляющих, универсальной фразовой структуры и т. д.).

Предметом оценки служит также таксономия четырех типов отрицательных предложений Е. В. Падучевой [14] — предикатного общего, предикатного частного, присловного общего и присловного частного — и возможность объяснить распределение этих типов реализацией коммуникативных значений *верификации* и *контраста*. Я без доказательств принимаю допущение, что таксоны Е. В. Падучевой соответствуют четырем разным классам русских отрицательных предложений, и сохраняю ее рабочую терминологию, кроме термина ‘присловное отрицание’, который у Е. В. Падучевой является авторской заменой термина ‘конституентное отрицание’ или ‘отрицание составляющих’. В разделе 3. показывается, что конституентное отрицание не может быть определено в русском языке в терминах смежности отрицательной частицы и синтаксической вершины. Термин ‘частное отрицание’, в соответствии с употреблением Е. В. Падучевой, резервируется за семантическими, а не синтаксическими сущностями. Понятие ‘сферы действия’ всюду понимается как относящееся к семантической (логической) структуре, а не к синтаксису. Понятия ‘контраста’ и ‘верификации’ интерпретируются в статье в терминах иллокутивной силы высказывания как модифицирующие типы речевых актов [23], [24], [27] и определяются следующим образом:

- (i) Контраст — значение, комбинирующееся с компонентами речевых актов — темой, ремой, компонентами вопросов и императивов, и предполагающее выбор элемента из известного говорящему и слушающему множества альтернатив.
- (ii) Верификация — значение, комбинирующееся с компонентами речевых актов и подтверждающее то, что говорящий рассмотрел гипотезы p и $\sim p$ и счел одну из них доказанной.

В соответствии с принятой точкой зрения, отрицательные предложения, как и общие и специальные вопросы, сами по себе не являются ни контрастивными, ни верификативными, но могут стать таковыми при наличии соответствующих маркеров (обычно — просодических).

2. Семантика и синтаксис отрицания в описаниях русской грамматики

Е. В. Падучева [14, с. 142-145] и следующие за ней лингвисты, включая автора раздела об отрицании в Академической грамматике, К. В. Габучан [7, с. 408], рассматривают частицу *не* как оператор НЕВЕРНО, ЧТО [...], аргументом которого является пропозиция, соответствующая выражению в скобках³, и различают *общее* отрицание, когда в сфере действия отрицания находится все предложение, и *частное* отрицание, когда один из компонентов синтаксической структуры предложения исключен из сферы действия отрицания. Так, предложение *Они не спят из-за шума* анализируется как ИЗ-ЗА ШУМА, НЕВЕРНО, что [*они спят*]. То же понимание отражено в кн. [5], где детально рассмотрено понятие сферы действия, и в «Словаре русских частиц» [20, с. 37].

³ Квадратные скобки проставлены автором статьи. В книге 1974 г. Е. В. Падучева использует запись НЕВЕРНО, <ЧТО...> с угловыми скобками, а в книге 2013 г. — запись НЕ (...) с круглыми скобками [16, с. 18]. Заглавными буквами в нотации Е. В. Падучевой выделяются элементы метаязыка, а запись НЕ используется в качестве сокращения для НЕВЕРНО, ЧТО p .

Для зарубежной лингвистики характерен подход, при котором статус общего и частного отрицания считается иконически отображенным в структуре клаузы. В свое время О. Есперсен предположил, что общее отрицание реализуется в позиции *нексусного* (т.е. предикатного) отрицания, а частное — в другой позиции, названной им *специальным* отрицанием. Переход от непрозрачного термина ‘специальное отрицание’ к термину ‘конституентное отрицание’, т.е. отрицанию *составляющей* (constituent) у Э. Климмы [9] оправдан, так как трудно понять, как заключенный в скобки фрагмент, равно как и фрагмент, исключенный из сферы действия отрицания, могут быть лишены синтаксической структуры, т.е. не быть составляющими. Отрицание компонента смысла, соответствующего фрагменту предложения, обычно связано с противопоставлением альтернатив, т.е. семантикой *контраста*. Из описаний русского языка известно, что значение контраста всегда имеет внешние маркеры, прежде всего — акцентные [25, с. 47-53], поэтому статус частного отрицания проверяем. Что касается статуса конституентного отрицания, то в спорных случаях границы составляющих могут проводиться по-разному. Поэтому на практике лингвисты прибегают к эвристикам типа ‘отрицание стоит после категории X’, ‘отрицание стоит непосредственно перед категорией Y’ и т.п.⁴

В книге 1974 г. Е. В. Падучева без дополнительных комментариев вводит рабочий термин ‘присловное отрицание’ = ‘главное отрицание не при сказуемом’ [13, с. 150], а в поздних работах поясняет, что он уместен, «поскольку русские синтаксисты традиционно оперируют словами, а не составляющими» [14, с. 41], та же формулировка повторена в [25, с. 293; 18, с. 289]. Это решение парадоксально, так как предикатное отрицание куда больше подходит на роль присловного. Дистантный порядок *NEG [Y] V° при вершине клаузы невозможен, а для отрицания составляющей аналогичный запрет не действует, см. ниже раздел 3. Ключевым в концепции Е. В. Падучевой является тезис, что два синтаксических типа отрицания, вопреки О. Есперсену и его продолжателям, настаивающим на соответствии логической семантики и синтаксиса, не изоморфны семантическим категориям общего и частного отрицания, и что русский язык допускает все четыре возможных комбинации. Тем самым, предложение с частицей *не* в роли предикатного отрицания может быть как обще-, так и частно-отрицательным, и та же двойственность характерна для предложений с частицей *не* в роли непередикатного отрицания [13, с. 151; 14, с. 42-43; 15, с. 288-290; 25, с. 292]. Это важный результат, но вопрос, откуда при интерпретации берется иерархическая структура предложения, если информация о ней при определении базовых синтаксических понятий отсутствовала и заменялась сведениям о смежности частицы *не* и других слов, остается без ответа, так как Е. В. Падучева не поясняет, с помощью каких алгоритмов порождается синтаксис предложения. Ниже в разделе 4 мы попытаемся определить типы отрицательных предложений по Е. В. Падучевой в терминах коммуникативных значений *контраста* и *верификации*.

Ряд справочных работ отражает колебания относительно квалификации структур с общим или частным отрицанием. Академическая грамматика устами К. В. Габучан утверждает, что «в предложениях со спрягаемой формой глагола и зависящими от нее словоформами (или словоформой) отрицание является общим, если частица *не* стоит непосредственно перед спрягаемой формой, и частным, если частица стоит перед зависящей от глагола словоформой: *Он не думает ехать на юг - Он думает не ехать на юг*» [7, с. 408]. По Е. В. Падучевой, оба предложения содержат общее предикатное отрицание, предшествующее вершине финитной или нефинитной клаузы, а дискуссионный момент состоит в том, интерпретируется ли отрицание в сказуемых типа *не думать делать p* в верхней или в нижней клаузе [15, с. 296]. Во втором случае имеет место т.н. *подъем отрицания*, ср. обсуждение в недавней работе [19]. Независимо от того, понимается ли подъем отрицания как семантическое или собственно синтаксическое явление, т.е. перенос частицы *не* в вышестоящую клаузу, такая интерпретация доступна лишь для общего предикатного отрицания. Противоречие легко устранить, уточнив, что статус общего и частного

⁴ К. Чвани и Н. Флейшер [6; 8] утверждают, что в инфинитивной конструкции *Васе было НЕ выиграть* якобы реализуется особая экзистенциальная форма глагола *быть*, так как обычная форма связи *быть* требует препозиции отрицания, а порядок **Васе НЕ было выиграть* невозможен. Этот анализ связан с рядом допущений, например, о том, что в подобных предложениях две клаузы, что отрицание *НЕ* относится к *было*, а не к инфинитиву *выиграть*, что вершиной верхней клаузы является экзистенциальный предикат и т.д.

отрицания диагностируется на уровне клаузы, а не всего комплекса с составным глагольным сказуемым.

В книге А. М. Пешковского, где, согласно Е. В. Падучевой, впервые на русском материале было обосновано понятие частного отрицания, сомнения вызывает первый же пример. Автор иллюстрирует частное отрицание стихом *Не сырой дуб к земле клонится, Не зеленые листочки расстилаются*, < *Расстиляется сын перед батюшкой* > [17, с. 352], где контраст реализуется между соседними предложениями при логической форме ИМЕЕТ МЕСТО *не* [*p*], *не* [*q*], а [*r*]. Такие противительные контексты соответствуют критериям общего отрицания, что учла Академическая грамматика, где приведены аналогичные примеры с начальным местоимением *то*, ср. *То не ветер ветку клонит, Не дубравушка шумит*, и без него, ср. *Не ветер шумит по ковыли, Не свадебный поезд гремит* [7, с. 408].

В генеративной славистике, ср. [18], используется постулат об универсальной фразовой структуре. Предикатное отрицание считается функциональной категорией Neg, выступающей в качестве вершины проекции NegP. Место NegP определяется в соответствии с тем, могут ли клитики уровня предложения присоединяться непосредственно к отрицанию. В части славянских языков, включая русский, это невозможно, ср. рус. **не бы пришел*, **не ли узнал*, и предикатное отрицание всегда примыкает слева к глагольной словоформе. К той же группе относят чешский и словацкий [10, с. 298] и польский языки [2, с. 437]. Если допустить, что сентенциальные клитики занимают более высокую позицию, чем Neg, тест указывает на то, что NegP в этом классе языков располагается ниже TP. В другом классе языков, куда входят болгарский и сербохорватский, клитики присоединяются к показателю отрицания, ср. болг. *не_{NEG} съм_{CL} прочъл_у книгата* ‘я не прочел эту книгу’, а требование контактной препозиции отрицания и глагола не действует. Соответственно, в этих языках NegP располагается выше TP. Отдельная проблема состоит в том, нужно ли вводить проекцию NegP для языков, где обобщен порядок NEG — V, а отрицание является преимущественно безударным, как рус. *не* и пол. *nie*. Альтернативой служит признание таких показателей связанными морфемами. И. Блащак разбирает эту возможность и признает анализ пол. *nie* как частицы, а не приставки, предпочтительным [2, с. 437].

Хотя в концепции Е. В. Падучевой термин ‘присловное отрицание’ является просто авторской заменой термина ‘конституентное отрицание’, показатели отрицания, синтактику которых можно подвести под этот конструкт, теоретически возможны. Поэтому имеет смысл проверить, присущи ли русской частице *НЕ* в каком-либо из ее употреблений синтаксические и просодические свойства, которые могли бы оправдать ярлык ‘присловное отрицание’. Для проверки требуется отделить частицу *НЕ* (далее ей присваивается индекс *НЕ₂*) от омографичных отрицательных морфем, которым далее присваиваются индексы *НЕ₁* (отрицательная именная приставка) и *НЕ₃* (показатель экзистенциального отрицания). Их описание дано в разделе 3. Раздел 4. посвящен логико-семантическим и коммуникативным свойствам отрицательных предложений.

3. Частица НЕ и отрицательные морфемы

Для русского языка исторически характерна корреляция между приставками и служебными словами, например, первообразными предлогами *на*, *по*, *о*, *у*. Акцентологические описания уточняют, что морфемы этого класса имели маркировку клитик [25, с. 142] и могли принимать или не принимать ударение в комбинациях с другими морфемами; о переносе ударения на предлог или частицу в современном русском языке см. [25, с. 21]. Будем считать перенос ударения на показатель отрицания латентным свойством клитик и проверим, как оно реализуется у приставки и частицы *НЕ*. Введем пометы *НЕ₁* для именной приставки, *НЕ₂* для отрицательной частицы и *НЕ₃* для экзистенциальной отрицательной морфемы в выражениях типа *НЕ₃-кто*, *НЕ₃-у -кого*. Нас будет интересовать, как просодия частицы *НЕ₂* взаимодействует с правилами линеаризации и семантикой общего и частного отрицания.

3.1. Именная приставка НЕ₁

Отсутствие или наличие ударения на именной приставке НЕ₁ — закреплённая в словаре характеристика. Имеется реликтовая группа слов с ударным НЕ₁. Мы сформировали список на основе словаря [22], фиксирующего ударения начала XX в. и по данным публицистики добавили пейоративное слово *НЕ₁-русь*, образованное по модели *НЕ₁-христ*, *НЕ₁-чист*. Частотность слов была проверена по корпусу ГИКРЯ (подкорпус ЖЖ). Неологизм XX в., слово *НЕ-уд* ‘неудовлетворительная оценка’ отмечен уже у Д. Н. Ушакова. Список выглядит так:

НЕ₁-нависть (ipm = 45,4), *НЕ₁-чист* (5,02), *НЕ₁-людь*⁵ (3,86), *НЕ₁-уч* (2,4), *НЕ₁-друг* (1,96), *НЕ₁-мощь* (1,44), *НЕ₁-жить* (1,34), *НЕ₁-уд* (0,67), *НЕ₁-видадь* (0,65), *НЕ₁-быль* (0,57), *НЕ₁-христ* (0,54), *НЕ₁-русь* (0,30), *НЕ₁-чет* (0,22), *НЕ₁-мочь* (0,22), *НЕ₁-погодь* (0,06), *НЕ₁-слух* (0,05), *НЕ₁-ук* (0,03), *НЕ₁-тель* (0,02), *НЕ₁-клен* ‘вид клёна, ‘*Acer tataricum*’ (0,0006).

Можно предположить, что за вычетом синхронно неразложимого существительного *НЕ₁-нависть*, речь идет об уходящей группе слов, которыми владеют не все носители языка. Так, ботанические описания указывают ударение *НЕ₁-клён*, а те, кто знают слово *НЕ₁-тель* ‘стельная, но еще не рожающая корова’, могут не знать его произношение. Тем не менее, появление единиц *НЕ₁-уд*, *НЕ₁-русь* подтверждает, что модель с переносом ударения на приставку НЕ₁, была еще живой в XX в. Таким образом, именная приставка НЕ₁ сохраняет реликтовые черты клитик, так как она получила отраженное в словаре ударение вне связи с синтаксическими правилами и выражаемым коммуникативным значением⁶.

3.2. Частица НЕ₂

Словарь [21, с. 86] снабжает частицу *не* пометой ‘обычно безударно’ и сообщает, что ударение переходит на частицу в сочетании с формами прошедшего времени и сослагательного наклонения глагола *быть* — *НЕ был*, *НЕ были* (*бы*), факультативно — также при спрягаемых и причастных формах глаголов *дать*, *жить* и *пить*, ср. *НЕ дал*, *НЕ жил*, *НЕ пил*.⁷ Исторически это — реликт правила, по которому часть основ (т. н. энклиномены) отдают свое ударение энклитикам и проклитикам [25, с. 119-120]. Перенос ударения с энклиноминальных форм прошедшего времени глагола *быть* на частицу закреплён в узусе, в то время как аналогичный перенос при глаголах *дать*, *жить* и *пить*, вероятно, не соблюдается большинством говорящих. Это обстоятельство, однако, не влияет на оценку статуса частицы НЕ₂, так как перенос главного фразового ударения на НЕ₂ от контактно стоящего глагола⁸, возможен в единственном контексте — там, где выражается значение фальсификации гипотезы *р*.

Коммуникативное значение верификации/фальсификации определяется как выбор на множестве полярных альтернатив $\{p; \sim p\}$, дополняемое информацией о том, что говорящий рассмотрел гипотезы *р* и $\sim p$ и счёл одну из них доказанной. Оно выражается особой просодией, отмечаемой ниже пометой ‘↘↘’, которая реализуется одинаково в отрицательных и неотрицательных сообщениях, и диагностируется размещением акцента на предикатной вершине, что противоречит дефолтному правилу выбора акцента, по которому приоритет имеют зависимые предиката [22, с. 69-73]. Кроме того, верификативные предложения могут иметь лексические маркеры в виде ударных дискурсивных слов типа *действительно*, перетягивающих акцент на себя. При наличии лексического маркера верификации верификативный акцент на частицу НЕ₂ не падает, ср. ряд ↘↘ **БЫЛ** на работе ... ↘↘ **НЕ₂** был на работе ... ↘↘

⁵ Примечательно, что Д. Н. Ушаков в качестве заглавной формы использует НЕЛЮДИ и даёт помету ‘только мн. ч. (простореч.)’ [22, с. 517].

⁶ Анонимный рецензент справедливо указывает, что лексически встроенное ударное отрицание с НЕ₃ несинхронично свободному безударному отрицанию с НЕ₂, ср. *Он им НЕ₂ друг* ‘НЕВЕРНО, ЧТО [он им друг]’, но *Он им НЕ₃друг* ‘Он им враг’.

⁷ Ср. также ударение *НЕ взял* у М. Ю. Лермонтова: *Забвенья НЕ дал бог, Но он и НЕ взял бы забвенья* (1839).

⁸ Или причастия, для тех носителей, которые допускают ударение *НЕ давший разъяснений, давно НЕ пивший*.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО не₂ был на работе, где локус верификативного акцента зависит от состава сказуемого. Одноместный оператор VER можно задать одинаково для утвердительных и отрицательных предложений в виде ВЕРНО, ЧТО [...], при этом его аргументом может быть любая пропозиция, как *p*, так и $\sim p$, а также $\diamond p$, $\Box p$ и т. п. [26]. Комбинаторика предложений указана ниже в таб. 1. Дефолтный акцент ремы обозначен пометой ‘ ∇ ’. Таб. 1. показывает, что предложения типа (2с) ^{VER} *Вася $\nabla\nabla$ НЕ₂ был на работе* служат отрицаниями сразу двух предложений — неверификативного (2а) *Вася был НА ∇ РАБОТЕ* и верификативного (2б) ^{VER} *Вася $\nabla\nabla$ БЫЛ на работе*, которые не являются квазисинонимами: первое отвечает на вопрос ‘Где был *X*?’, а второе — на вопрос ‘Был или не был *X* на работе?’.

Таб. 1. Частица НЕ₂ в верификативных предложениях

	Утверждения	Отрицания
Предложения без лексических маркеров VER	(1a) Вася сидел у ∇ проходной.	(1с) ^{VER} Вася не ₂ $\nabla\nabla$ сидел у проходной.
	(1b) ^{VER} Вася $\nabla\nabla$ сидел у проходной.	
	(2a) Вася был на ∇ работе.	
	(2b) ^{VER} Вася $\nabla\nabla$ был на работе.	
Предложения лексическими маркерами VER	(3a) ^{VER} Вася $\nabla\nabla$ действительно сидел у проходной.	(3б) ^{VER} Вася $\nabla\nabla$ действительно не сидел у проходной
	(4a) ^{VER} Вася $\nabla\nabla$ действительно был на работе.	(4б) ^{VER} Вася $\nabla\nabla$ действительно не был на работе.

Итак, главный фразовый акцент на НЕ₂ в сочетании с глаголом БЫЛ° — частный случай правила, по которому сегментные маркеры верификации (ударное НЕ₂, слова класса ДЕЙСТВИТЕЛЬНО) при их доступности имеют приоритет над размещением верификативного акцента на глагольной словоформе.

Рассмотрим теперь конституентное отрицание НЕ₂. Конституентное НЕ₂ безударно. Оно примыкает к левому краю отрицаемой составляющей, но смежное с ним слово в общем случае не является его просодическим хозяином (prosodic host), т. е. не перенимает фразовый акцент автоматически, а синтаксическая вершина может быть отделена от НЕ₂ другими словами. Введем помету ‘→’ для фонетической адьюнкции к последующей категории (словоформе или группе) и обозначим вершину составляющей пометой ‘X°’. В примере (5) утверждается, что *X* пришел, но отрицается, что *X* пришел вполне вовремя: таким образом, в (5) частица НЕ₂ выступает в роли частного отрицания. Сфера действия НЕ₂ в (5) ограничена адverbiallyй группой (AdvP), тем самым, отрицание является конституентным. При этом ударная вершина AdvP, наречие *вовремя*, является также акцентоносителем большей составляющей VP, куда вложена AdvP.

(5) Вася не → [_{VP} [_{AdvP} вполне ∇ вовремя°] пришел°].

В примере (6) утверждается, что *X* является дамой с некоторыми свойствами, но отрицается, что *X* является молодым, сфера действия отрицания ограничена группой прилагательного (AdjP), которая вложена в именную группу (NP). Интерпретация аналогична, но акцентоноситель большей составляющей не совпадает с ее синтаксической вершиной⁹.

(6) Секретарша была не → [_{NP} [_{AdjP} очень молодой] дамой° с грязными ∇ ногтями].

Из приведенных фактов вытекают два вывода: 1) Конституентное отрицание не может быть описано в русском языке как присловное, если под присловным отрицанием понимать конфигурацию, где отрицательная частица стоит непосредственно перед словоформой, которая составляет сферу действия отрицания; 2) частица НЕ₂ не является в современном русском языке

⁹ Анонимный рецензент справедливо замечает, что предложение (5) является семантически общеотрицательным, а предложение (6) — семантически частноотрицательным. На поверхностно-синтаксические свойства конституентного отрицания это не влияет.

клитикой, во всяком случае — *фонетической клитикой*, т.е. элементом, линейаризация которого основана на его просодической дефектности, а не на синтаксических и семантических свойствах.

Э. Шимчук и М. Щур в качестве подзначения (в их номенклатуре — ‘НЕ₁₆’) выделяют разговорное употребление НЕ₂ в качестве ответной реплики, выражающей отрицание утверждения адресата или несогласие с ним [20, с. 87]. Такое решение возможно, но у него есть альтернатива. В [3] был предложен тест, проверяющий, может ли дискурсивное слово формировать эхо-реплику диалога. Такие свойства присущи в русском языке тем выражениям, которые не специализированы в функции постоянно безударных вводных слов (парентез), ср. невозможность диалогов типа — *Ты, верно, устал?* — **Верно.* — *Он, чего доброго, споткнется.* — **Чего доброго* [24, с. 335]. Используемое Т. Е. Янко понятие ‘парентезы’ близко к понятию фразовой клитики. Частица НЕ₂ не является клитикой и по этому тесту, поскольку она ведет себя в верификативных контекстах почти так же, как слова класса ДЕЙСТВИТЕЛЬНО. Нотация ‘↗↗ X’ в примерах (7) – (10) отражает наблюдение, что верификативный акцент в *да-нет*-вопросах реализуется в виде восходящей интонации.

- (7) — А. ^{VER} Ты ↗↗ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО был на работе?
— В. ^{VER} ↘↘ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО.

- (8) — А. ^{VER} Так ты ↗↗ НЕ был на работе?
— В. ^{VER} ↘↘ НЕ-Е / Не-а.

Отличие НЕ₂ от универсальных маркеров VER состоит в том, что НЕ₂ используется в ответной реплике и в том случае, когда его антецедент фонетически не выражен, что для слов класса ДЕЙСТВИТЕЛЬНО исключено: — *Ты был на работе?* — **Действительно.* Для НЕ₂ такого ограничения нет, причем слово-предложение НЕ₂ может отвечать как на обычный, см. (9), так и на верификативный вопрос, ср. (10). Та же двойственность, как указано выше, характерна для употреблений НЕ₂ в функции общего предикатного отрицания¹⁰.

- (9) — А. Ты был на ↗ работе?
— В. ^{VER} ↘↘ НЕ-Е / Не-а.
- (10) — А. ^{VER} Ты ↗↗ БЫЛ на работе?
— В. ^{VER} ↘↘ НЕ-е / Не-а.

3.3. Экзистенциальное НЕ₃

Постоянно ударная морфема (или квазиморфема) НЕ₃ (исторически < *нѣ*) во всех своих употреблениях толкуется через квантор существования: (НЕ) СУЩЕСТВУЕТ такой *x*, что *p(x)*.¹¹ В знаменитой работе [1], ср. также [12], отстаивается точка зрения о том, что в конструкции *НЕ₃-где спать*, *НЕ₃-кого винить*, НЕ₃ выступает как отрицательный экзистенциальный глагол, а сочетания *НЕ₃- + -где*, *НЕ₃- + кого* и т.п. не являются подлинными словами и должны рассматриваться как аналоги предложений. В деривационной перспективе НЕ₃ в этой конструкции является сращением **ne + *je*, т. е. комбинацией отрицания с формой презенса глагола *быти*. Преимуществом морфологического подхода служит то, что он позволяет описать все вхождения НЕ₃, правда степень вычленимости НЕ₃, различна: 1) неопределенные

¹⁰ Анонимный рецензент обращает внимание на то, что НЕ₂ в функции слова-предложения не проходит *why not* - тест Дж. Мёрчанта [13], показывающий, что синонимия между НЕТ и НЕ₂ не абсолютна: англ. *Why not?* vs. **Why no?*; рус. *Почему нет?* vs. **Почему не?* Однако ни мы, ни Э. Шимчук с Э. Щур не рассматриваем НЕ₂ в функции слова-предложения как вариант слова НЕТ: напротив, оценивается гипотеза, что предикатное НЕ₂ и НЕ₂ в роли слова-предложения — это одна и та же лексема.

¹¹ Разброс значений от положительных, ср. *НЕ₃-сколько*, *НЕ₃-кий*, *НЕ₃-кто*, *НЕ₃-что*, до отрицательных экзистенциальных предикатов, ср. *НЕ₃-у -кого*, *НЕ₃-кого*, *НЕ₃-о -чем*, не должен удивлять, поскольку местоимения, толкуемые через $\exists x p(x)$, семантически недоопределены на уровне словаря, и их интерпретация зависит от грамматической структуры, куда они вставлены [11].

местоимения, прилагательные и наречия с неотделяемым, но интерпретируемым HE_3 : HE_3 -кто, HE_3 -что, HE_3 -который, HE_3 -кий, HE_3 -сколько; 2) экзистенциальное отрицание HE_3 -ту / НЕТ (<*ne + je + tu ‘здесь’), сросшееся с дейктическим формантом -ту/-т; 3) предикатные формы HE_3 -где, HE_3 -кого, HE_3 -у -кого и т.п., с отделяемым HE_3 -. В функции слова-предложения частица HE_2 и слово НЕТ = HE_3 -ту близки, так как данный контекст предполагает отрицание пропозиции¹². В прочих контекстах HE_2 и HE_3 , как правило, не являются синонимами, так как противопоставление ЕСТЬ / НЕТ задано для объектов, а не для пропозиций, поэтому нехорошо *Мне нет, где спать.

3.4. Промежуточные итоги

Употребление частицы HE_2 регулируется синтаксическими правилами, конституентное отрицание не является в русском языке присловным. Стандартная интерпретация общего предикатного отрицания связана с контекстом фальсификации/верификации. Ниже поднимается вопрос о том, существуют ли предложения с общим предикатным отрицанием, лишенные верификативной интерпретации.

4. Дискуссия

В схеме Е. В. Падучевой коммуникативная специфика предложений с общим предикатным отрицанием не прояснена. Контрастивная интерпретация ‘не *p*, а *q*’ для них недоступна, так как эта опция резервируется для предложений с частным конституентным отрицанием, но наличие верификативного акцента Е. В. Падучева не считает их дефиниционным признаком. При ближайшем рассмотрении, однако, обнаруживается два нетривиальных факта. Во-первых, как показано выше в разделе 3., перенос главного фразового акцента на частицу HE_2 возможен только в верификативном/фальсификативном контексте. Во-вторых, верификативная интерпретация (и реализация соответствующего акцента) вообще невозможны в других типах отрицательных предложений — ни в предложениях с конституентным отрицанием, ни в предложениях с частным предикатным отрицанием. В связи с этим, мы предлагаем определять предложения с общим предикатным отрицанием ограничительно и исключить из этого класса все неверификативные предложения, где главный фразовый акцент стоит на одном из зависимых элементов сказуемого.

Частица HE_2 не является клитикой по нескольким критериям, главным из которых служит возможность получать логический акцент и формировать ответную реплику. Оба типа контекстов подпадают под определение фальсификативных/верификативных. Логический акцент следует отделять от сопутствующего явления: HE_2 в предложениях с предикатным отрицанием образует единое фонетическое слово с глаголом, причем в сочетании HE_2 + БЫЛ, БЫЛО, БЫЛИ ударение не может падать на формы глагола *быть*. Поскольку, однако, локус верификативного акцента зависит от наличия в составе сказуемого частицы HE_2 и слов класса ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, возможность постановки этого акцента на частице в сочетании HE_2 + БЫЛ удобно использовать для диагностики типов отрицания. Базовое правило прозрачно:

- (iii) Общее предикатное отрицание [PREDICATE GENERAL NEGATION] имеет верификативную интерпретацию и требует рематического акцента на вершинном глаголе или частице HE_2 , если в предложении нет слов класса ДЕЙСТВИТЕЛЬНО.

Из (iii) непосредственно вытекает, что предложения с HE_2 + БЫЛ (и без слов класса ДЕЙСТВИТЕЛЬНО), где главный фразовый акцент не падает на HE_2 , не являются верификативными и содержат частное, а не общее отрицание. Такая характеристика применима к примерам типа (11a-b) независимо от того, содержит ли компонент, ограничивающий сферу действия отрицания, словоформу – носитель акцента *ремы*, как в (см. 11a) или *темы*, ср. (11б)

- (11) а. Вася не₂ был на работе ОЧЕНЬ √ ДОЛГО. [PREDICATE PARTIAL NEGATION]

¹² В контекстах данного типа, где НЕТ противопоставлено слову-предложению *ДА*, экзистенциальная семантика HE_3 - размывается.

б. Вася ОЧЕНЬ $\nearrow$ ДОЛГО не₂ был на $\searrow$ работе. [PREDICATE PARTIAL NEGATION]

Предложения с одиночным конституентным отрицанием не выражают верификации, и частица НЕ₂ никогда не получает логический акцент. Помета ‘CONTR’ в записи (12) означает, что в данном предложении реализуется контраст ‘не p , а q ’, т.е. значение выбора на множестве взаимоисключающих альтернатив $\{p, q \dots y, z\}$ ¹³.

(12) CONTR Вася БЫЛ НЕ₂ $\nearrow$ $\nearrow$ В ОФИСЕ, а в $\searrow$ $\searrow$ кафе. [CONSTITUENT PARTIAL NEGATION]¹⁴

Если бы любое предложение с конституентным отрицанием было бы контрастивно, это серьезно упростило бы описание русской грамматики. В работах [4] и [21, с. 780-781], однако, содержится наблюдение, что некоторые предложения с сочетанием БЫЛ НЕ₂ В Z-е просто утверждают p , не имплицитно контраста, и омонимичны предложениям типа (12)¹⁵. Запишем это при помощи пометы ‘NON-CONTR’, т.е. ‘неконтрастивное предложение’.

(13) NON-CONTR Когда я заходил в институт, Вася БЫЛ НЕ₂ В $\searrow$ ОФИСЕ. [CONSTITUENT GENERAL NEGATION]

Для упрощения допустим, что синтаксис в (12) и (13) один и тот же, а различие касается семантической интерпретации. В таком случае, в терминах Е. В. Падучевой, предложение (12) содержит частное отрицание, а (13) — общее. Как моделировать этот эффект — вопрос формализма. Важно, что предложения типа (13) не только не контрастивны, но и лишены верификативной семантики, и при порядке БЫЛ НЕ₂, в отличие от порядка НЕ₂ БЫЛ, частица НЕ₂, никогда не получает логический акцент¹⁶.

Мы показали, что распределение типов отрицания по Е. В. Падучевой мотивировано распределением значений двух коммуникативно-семантических признаков, которые могут быть заданы путем введения операторов VER (верификация) и CONTR (контраст). Базовыми типами служат общее предикатное отрицание (+ VER; - CONTR) и конституентное частное отрицание (- VER; + CONTR), где один из этих признаков выражен положительно.

¹³ В частном случае, альтернатив может быть ровно две, ср. *Если Вася не в офисе (p), то он в кафе (q)*.

¹⁴ Анонимный рецензент полагает, что предложение (12) содержит общее отрицание, так как его можно описать парафразой НЕВЕРНО, ЧТО [X был в офисе], но этот критерий является слишком сильным, а сама парафраза не передает значение исходного предложения интуитивно приемлемым способом. Контрастивные предложения типа (12) содержат пресуппозицию наличия локации, где находился X, но утверждают, что эта локация не была офисом. Аналогичным образом, предложение *Вася съел не $\searrow$ $\searrow$ помидор* сообщает о том, что существует некоторый объект, который съел Вася, но отрицает, что этот объект был помидором. Это и соответствует понятию частного отрицания.

¹⁵ Я. Г. Тестелец (ук. соч.) обсуждает различия между предложениями с БЫЛ НЕ и НЕ БЫЛ, используя тесты на сферу действия квантора всеобщности. В БЫЛ НЕ-предложениях доступно только чтение $\forall > Neg$, ср. *ВСЕ УЧИТЕЛЬНИЦЫ в церкви БЫЛИ НЕ в брюках* $\rightarrow$ ‘Ни одна учительница в церкви не была в брюках’ (— пример наш), а НЕ БЫЛ-предложения при контрастивном акценте на кванторе порой допускают как чтение $\forall > Neg$, так и чтение $Neg > \forall$ с широкой сферой действия отрицания, ср. $\nearrow$ *ВСЕ УЧИТЕЛЬНИЦЫ в церкви $\searrow$ $\searrow$ НЕ БЫЛИ в брюках* ‘НЕВЕРНО, ЧТО все учительницы в церкви были в брюках’.

¹⁶ Мы отвлекаемся от авторского курсива и метаязыковых поправок, т.е. стратегий озвучивания и коррекции уже порожденного текста.

Таб. 2. Типы отрицания и коммуникативная структура

	Общее отрицание	Частное отрицание
Предикатное отрицание	I. PREDICATE GENERAL NEGATION (+ VER; - CONTR) <i>Вася НЕ БЫЛ в офисе.</i>	II. PREDICATE PARTIAL NEGATION (-VER; - CONTR) <i>Вася НЕ БЫЛ на работе очень ДОЛГО.</i>
Конституентное отрицание	III. CONSTITUENT GENERAL NEGATION (-VER; - CONTR) <i>Когда я приходил, Вася БЫЛ НЕ в Офисе.</i>	IV. CONSTITUENT PARTIAL NEGATION (- VER; + CONTR) <i>Вася БЫЛ НЕ в А офисе, а в кафе.</i>

В нашем экскурсе мы отвлеклись от ряда явлений, освещавшихся в русистике — предложений с множественным отрицанием, фразеологически связанного отрицания, ср. *Х не в своей тарелке*, подъема отрицания. Сделаем два заключительных замечания.

Первое касается типа III, т. е. неконтрастивных предложений с общим отрицанием. Он ограничен востребован в силу того, что верификативные и неверификативные предложения не синонимичны, и предложения с БЫЛ НЕ₂ уместны там, где верификативный акцент на отрицании **НЕ** БЫЛ не соответствует выражаемому смыслу. Это проливает свет на постановку отрицания перед связкой в дативно-инфинитивных предложениях типа (14).

- (14) а. Васе БЫЛО НЕ₂ **ВЫИГРАТЬ**. [Constituent General Negation]¹⁷
 б. ^{VER} *Васе **НЕ** БЫЛО **ВЫИГРАТЬ**. [Predicate General Negation]

Неясный момент состоит в том, действительно ли (14а) содержит конституентное, а не предикатное отрицание при инфинитиве *выиграть*: такой анализ возможен, если в (14а) нет двух полноценных клауз, вопреки [8].

Второе замечание касается предложений с инициальным отрицанием, которым посвящена статья [26]. Ее авторы не говорят, воплощают ли древнерусские и старославянские примеры типа *НЕ яростью твоею обличи меня* ‘не обличи меня твоей яростью’ предикатное или конституентное отрицание, но подчеркивают, что речь идет о регулярном в древних славянских языках принципе построения предложений. С нашей точки зрения, здесь, как и в более поздних примерах типа (15), речь должна идти о конституентном общем отрицании, т.е. том же типе III, хотя бы потому, что предложение тоже является составляющей.

- (15) НЕ₂ ветер бушует над **А** бором (*p*), НЕ₂ с гор побежали **А** ручьи (*q*), Мороз-воевода дозором обходит **В**ладенья свои (*r*). [Constituent General Negation]

Главное отличие примера (15) от примеров А. А. Зализняка и Е. В. Падучевой состоит в том, что в современном языке инициальное общее отрицание возможно лишь при эксплицитном противопоставлении, т. е. контрасте между пропозициональными альтернативами, соответствующими целыми предложениям. В древнерусском языке такого ограничения, по-видимому, не было.

¹⁷ Анонимный рецензент выражает сомнение в том, что (14а) является общеотрицательным предложением, так как его утвердительный коррелят *Васе было выиграть недоступен. Эта лакуна объясняется запретом на инфинитив СВ в модальных дативно-инфинитивных предложениях без отрицания. В предложениях с инфинитивом НСВ соотносительность утвердительного и отрицательного варианта сохранена, ср. *Васе было **еще не** выходить <на следующей остановке>: Васе было **уже** выходить*.

5. Заключение

Мы показали, что употребление частицы НЕ₂ регулируется коммуникативно-синтаксическими правилами, а распределение четырех типов отрицательных предложений связано с реализацией категорий верификации и контраста. Комбинаторика русских НЕ-БЫЛ предложений с их коммуникативно обусловленными акцентными маркировками подсказывает корреляцию между общим предикатным отрицанием и верификативной интерпретацией. Такой вывод влечет пересмотр соотносительных понятий общего и частного отрицания, так как неверификативные предложения с предикатным отрицанием и рематическим акцентом на одном из аргументов предиката или адьюнкте, ср. (11а-б), приходится отнести к рубрике ‘частное отрицание’. Возможно, однако, что само понятие частного отрицания — предмет соглашения между лингвистами, поскольку решение вопроса о том, находится ли некоторый компонент в сфере действия отрицания, т. е. является ли он отрицаемым или нет, зависит от принятой процедуры анализа.

References

- [1] Apresjan, J. D., & Iomdin, L. L. 1989. Construction of the Type NEGDE SPATJ: Syntax, Semantics, Lexicography [Konstrukcija tipa NEGDE SPATJ: sintaksis, semantika, leksikografija]. *Semiotika i informatika*, 29, 34–92.
- [2] Blaszczak, J. 2009. Negation and Clause Structure // *The Slavic Languages. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation*. Ed. by S. Kempgen, P. Kosta, T. Berger, K. Gutschmidt. Vol. 1. Mouton de Gruyter, 431–468.
- [3] Baranov, A. N., Kobozeva, I. M. 1984. Discourse Words in the Semantic Structure of a Sentence [Vvodnye slova v semanticheskoj strukture predlozhenija] // *Sistemnyj analiz znachimyx edinic russkogo jazyka. Sintaksicheskie struktury*. Krasnoyarsk, 83 – 93.
- [4] Borschev, V., Paducheva, E., Partee B., Testelefs, Y., Yanovich, I. 2005. Sentential and Constituent Negation in Russian BE-sentences // J. E. Lavine, S. Franks, M. Tasseva-Kurktchieva, H. Filip (eds.). *Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Princeton Meeting 2005*. Ann Arbor, 50–65.
- [5] Boguslavskij, I. M. 1996. *Scope in Lexical Units* [Sfera dejstvija leksicheskix edinic]. Moscow: LRC.
- [6] Chvany, C. V. 1975. *On the Syntax of BE-sentences in Russian*. Cambridge (Mass).
- [7] Gabuchan, K. V. 1982. Negation in the Simple Sentence and in its Modifications [Otricanie v structure prostogo predlozhenija i pri ego rasprostranenii] // *Russian Grammar [Russkaja grammatika]*. Vol. 2. Moscow: Nauka, 402–411.
- [8] Fleischer, N. 2006. *Russian Dative Subjects, Case and Control*. Ms.
- [9] Klima, E. 1964. Negation in English // *The structure of language*, Fodor J., Katz J. (eds.). Englewood Cliffs: Prentice Hall, 246–323.
- [10] Kosta, P. 2009. Targets, Theory and Methods of Slavic Generative Linguistics: Minimalism, Negation and Clitics // *The Slavic Languages. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation*. Ed. by S. Kempgen, P. Kosta, T. Berger, K. Gutschmidt. Vol. 1. Mouton de Gruyter. Vol. 1. 282–317.
- [11] Kratzer, A., Shimoyama, Y. 2017. Indeterminate Pronouns: The View from Japanese // Lee, C., Kiefer, F., Krifka, M. (eds.) *Contrastiveness in Information Structure, Alternatives and Scalar Implicatures. Studies in Natural Language and Linguistic Theory*, vol 91. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-10106-4_7
- [12] Mel'čuk, I. 2025. Russian Sentences of the Type Mne negde spat' 'I Have No Place to Sleep': Once More // *Voprosy Jazykoznanija*, 2025, 5: 154–173.
- [13] Merchant, J. 2001. Why not? // *Style*, 2001, Vol. 40 (1–2), 20–23.
- [14] Paducheva, E. V. 1974. *On Semantic Syntax [O semantike sintaksisa]*. Moscow: Nauka.
- [15] Paducheva, E. V. 2013. *Russian Negative Sentence [Russkoe otricatel'noe predlozhenie]*. Moscow: LRC.
- [16] Paducheva, E. V. 2017. Negation [Otricanie] <http://rusgram.ru/pdf/paducheva-2017-negation.pdf> (accessed date: 25.02.2026).
- [17] Peshkovskij, A. M. 1938. *Russian Syntax and Linguistic Theory [Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii]*. 6th ed. Moscow.
- [18] Rivero, M. L. 1991. Long Head Movement and Negation: Serbo-Croatian vs. Slovak and Czech // *Linguistic Review*, 8, 319–351.

- [19] Rossjajkin, P. O. 2022. Negative Raising in Russian: Against the Syntactic Approach [Pod''em otricanija v russkom jazyke: kritika sintaksicheskogo podxoda] // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologija*. 2022, 1, 54-64.
- [20] Shimchuk, E., Shchur, M. 1999. A Dictionary of Russian Particles [*Slovarj russkix chastic*]. Peter Lang.
- [21] Testeleť, Y. T. 2008. The Structure of Sentences with a Zero Copula in Russian [Struktura predlozhenij s nevyrazhennoj svjazkoj v russkom jazyke] // *Dinamicheskie modeli. Slovo. Predlozhenie. Tekst. Sbornik statej v chestj E. V. Paduchevoj*. Moscow: LRC, 773-789.
- [22] Ushakov, D. N. 1938. Explanatory Dictionary of the Russian Language [*Tolkovyj slovarj russkogo jazyka*]. Vol. 2. Moscow.
- [23] Yanko, T. E. 1995. The Communicative Status of the Marker PRAVDA [Kommunikativnyj status vyrazhenij so slovom PRAVDA] // N. D. Arutyunova (ed.), [*Logicheskij analiz jazyka: Istina i istinnostj v kul'ture i jazyke*]. Moscow: Nauka, 173-177.
- [24] Yanko, T. E. 2001. Communicative Strategies of Russian Speech [*Kommunikativnye strategii russkoj rechi*]. Moscow: LRC.
- [25] Zaliznjak, A. A. 1985. From Proto-Slavic Accentuation to Modern Russian [*Ot praslavjanskoj akcentuacii k russkoj*]. Moscow: Nauka.
- [26] Zaliznjak, A. A., Paducheva E. V. 2013. On Initial Negation in Old Russian and Old Church Slavonic [Ob inicial'nom otricanii v drevnerusskom i staroslavjanskom] // Russian Negative Sentence [*Russkoe otricatel'noe predlozhenie*]. Moscow: LRC, 290 – 303.
- [27] Zimmerling, A. 2026. Mind de re // *Slovo.ru: Baltic accent*, 2026, vol. 26, 2, 7 – 39. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2026-2-1>